

Заставить Гоуданя наводить порядок в вещах было делом совершенно безнадежным. Плюнув на это, Ван Сюань отправил его на поиски досок и гвоздей. Однако, обежав всю округу, тот с удивлением обнаружил, что даже в уездном городе раздобыть обычную деревяшку — задача не из легких.

— Чжан Сяомин, не знаешь, где тут можно разжиться досками?

— Ну... можно на рынок подержанной мебели сходить. Там вроде бы должно что-то быть.

— И где этот рынок?

— Да там...

— Ладно, забей, всё равно на слух не разберусь, — отмахнулся Гоудань и по-свойски приобнял соседа за плечи, будто они были лучшими друзьями. — Давай-ка завтра сходишь с нами, покажешь дорогу, а?

Они только-только приехали, и все эти названия улиц да номера домов для Гоуданя звучали как иностранная грамота. Проще и надежнее всего было взять с собой живого проводника.

— Откуда ты вообще всё так хорошо знаешь? Твоя семья разве не здесь живет? Чего тогда в общежитии киснешь?

— Раньше я у тёти жил, — вздохнул Чжан Сяомин. — А как в средней школе общежитие открыли, сразу сюда перебрался.

— А-а, бедолага, понятно, — посочувствовал Гоудань. — Ладно уж, если что-то понадобится разузнать в городе — буду тебя спрашивать. Так и быть, разрешаю тебе тусоваться с нами.

Чжан Сяомин уныло скривился.

«Кто бы говорил! Тоже мне, благодетель выискался. Да ты же вылитый уличный хулиган! Если бы я не боялся получить от тебя по шее, даже рта бы не раскрыл»

Мальчик украдкой покосился на остальных ребят в комнате. За этот неполный день почти все они — и знакомые, и несовершеннолетние незнакомцы — уже успели разбиться на кучки и весело болтали о своем. Только его в свои компании никто принимать не спешил. Чжан Сяомин снова бросил взгляд на Ли Кая. Неужели придется водиться с этим задирой? Эх, вот если бы подружиться с Ван Сюанем — тот сразу казался человеком мягким, покладистым и добрым.

В подростковом возрасте люди еще просты и бесхитростны: все симпатии и антипатии сразу читаются на лице. Их просторная комната была рассчитана на четырнадцать человек, хотя в

спальнях поменьше ютилось по восемь, десять или двенадцать ребят. Из всех здешних помещений это было самым большим и светлым благодаря огромным окнам. Поговаривали, что раньше здесь располагалась администрация, но после постройки нового двухэтажного корпуса старые кабинеты наспех переоборудовали под нужды учеников.

Преподавательские жилые постройки ютились сразу за невысокой разделительной стеной. Среди них встречались как крытые черепицей домики, так и совсем простые одноэтажные мазанки. Условия там тоже оставляли желать лучшего, разве что некоторые учителя ухитрились пристраивать к своим комнатам крохотные кухоньки на заднем дворе.

Те, чьи семьи жили побогаче, предсказуемо тянулись к равным себе. Местным ребятам из уездного центра жилье не требовалось, а вот выходцам из дальних деревень приходилось заселяться в общежитие, так что приезжих здесь собралось немало.

Городские высокомерно игнорировали деревенских, но Гоудань и не думал навязываться — он и сам не больно-то их уважал. Тем временем Ван Сюань методично и аккуратно складывал их нехитрые пожитки. Одежду он перетряхнул и уложил в бамбуковый сундучок, а многочисленные склянки и баночки с целебными снадобьями определил в невысокое деревянное ведро с плотной крышкой. Лишней мебели в комнате не водилось, поэтому все вещи пришлось приткнуть в ногах, прямо у стены.

— Ночью спи аккуратнее, смотри не разнеси всё ногами, — негромко предупредил Ван Сюань, поправляя край одеяла.

— Сяомин, а под твоей кроватью есть свободное место? Мы бы туда тазики и ведра задвинули, — обратился Ван Сюань к соседу снизу. Сам Чжан Сяомин как раз занимал одну из нижних коек под их двухъярусными кроватями.

— Да, конечно, — поспешно закивал тот. — Там пока только мое ведро стоит, заталкивайте свои, места хватит.

На верхнем ярусе складывать хозяйственную утварь было решительно негде, поэтому все жильцы дружно оккупировали пространство под нижними кроватями. Когда кому-то требовалось умыться, ведро просто вытаскивали наружу, а потом возвращали на место. Вещи у всех были простые, приметные, так что путаницы не возникало.

— Головой сюда ложиться? — спросил Гоудань, примериваясь к подушке.

— Ага, как раз будем лежать головами друг к другу, — отозвался Ван Сюань. — Завтра добудем дощечку, приладим её между нашими спинками на манер полки. Сможем складывать туда учебники, чтобы читать перед сном. И тянуться далеко не придется.

Вечером в гости заглянули Цичжи и Дафу. Оба так и лучились восторгом. В общежитии горело электричество, тогда как в их родной деревне о лампочках даже не слышали. Для деревенских

ребят это было первым столкновением с настоящей «цивилизацией», и они заворуженно глазели на висющую под потолком тусклую стеклянную грушу.

По правде говоря, Гоудань с Ван Сюанем испытывали схожие чувства, хоть и старались не показывать виду.

Дафу со смехом хлопнул друга по плечу и выдал его с потрохами:

— Этот балбес у нас в комнате без конца дергал шнурок выключателя. Ребята уже ругаться начали, вот нам и пришлось уйти от греха подальше!

— Здесь мы тебе тоже баловаться с выключателем не позволим, — с улыбкой покачал головой Ван Сюань.

— Это еще почему? — удивился Цичжи. Он привык, что там, где крутится Гоудань, всегда весело и можно делать что душе угодно.

— Потому что свет в комнате общий. Будешь щелкать туда-сюда — другим ребятам мешать станешь, — рассудительно ответил Ван Сюань. Он протянул Гоуданю кукурузную лепешку-вовотоу, а сам принялся откручивать крышку на банке с домашними соленьями. — Вы-то сами ужинали?

— Ага, в столовой перекусили, — кивнул Дафу, переводя взгляд на банку. — Ого, вы и еду с собой притащили?

— А-Сюань сам готовил, — с гордостью вклинился Гоудань. — В школьной столовой за всё платить надо, вот мы и запаслись домашними соленьями. Вы что, совсем ничего из дома не взяли?

Гости дружно покачали головами.

— В следующий раз обязательно привезем, — пообещал Дафу.

Они гурьбой уселись на постель притихшего Чжан Сяомина и принялись увлеченно шушукаться. Мальчишки наперебой обсуждали городские чудеса: кто-то слышал про огромный универмаг, кто-то мечтал после уроков сбежать посмотреть на настоящие асфальтированные улицы, а кто-то делился слухами о том, где раздобыть редкие заграничные безделушки.

Бедного Сяомина оттеснили в самый угол кровати. Прижав колени к груди, он молча сносил это нашествие, волей-неволей превращаясь в новоиспеченного члена их шумной компании. Цичжи и Дафу, не обремененные излишней скромностью, уже всю строили планы и обещали брать его с собой на все прогулки. Гостеприимство деревенских парней лилось через край, и они проболтали бы до самого утра, если бы не приближающийся час отбоя. Оказалось,

пронырливый Цичжи уже успел вывести у дежурных точное время, когда в общежитии гасят свет.

По характеру он разительно отличался от Гоуданя. Если Гоудань с годами становился всё более скрытным, придирчивым к людям и сходилась только с теми, кто действительно вызывал у него интерес, то Цичжи готов был брататься с каждым встречным.

Возможно, на Гоуданя накладывала отпечаток его тайна, заставлявшая держать ухо востро и не болтать лишнего. Мальчишеское хвастовство сменилось осторожностью, и он предпочитал держаться в тени. Цичжи же оставался простым как три копейки — из тех людей, что уже через пять минут общения лезут обниматься и клянутся в вечной дружбе.

Кое-кто из соседей по комнате принялся натягивать над кроватями марлевые полога. У Гоуданя с Ван Сюанем москитных сеток отродясь не водилось. Дома они спасались особыми средствами от комаров собственного изготовления — те приятно пахли травами и надежно отпугивали гнус без всякого удушливого дыма. Глядя на чужие приготовления, мальчишки запоздало сообразили, что уездные комары кусаются ничуть не меньше деревенских.

Ван Сюань вопросительно взглянул на друга, но тот едва заметно качнул головой. Сюань понимающе притих — светить своими чудодейственными средствами от комаров перед незнакомцами раньше времени не стоило.

— Накройся простыней, — шепнул он Гоуданю, укладываясь на своей койке.

Их одеяла были тонкими, заношенными и сплошь покрытыми разноцветными заплатками из лоскутков старой одежды, так что первоначальный цвет ткани давно стерся из памяти. Впрочем, стесняться тут было некого. В те годы мало у кого водились новые вещи. Те же москитные сетки у соседей, некогда белые, давно пожелтели от времени и стирок, напоминая грязную марлю с грубыми швами. Нищета была делом привычным, и никто ни на кого не тыкал пальцем.

В эту ночь к обоим пришло смутное осознание: бедность свила гнездо не только в их родной глухомани. Оказывается, нужда караулила людей и здесь, за высокими городскими стенами. А ведь раньше, когда дядя Чэнь Чжэнго присылал им посылки со своей старой одеждой, Гоуданю казалось, будто городские жители купаются в роскоши. Действительность оказалась куда прозаичнее.

На следующий день, когда пришло время собираться в класс, рассадка учеников сразу выдала все тайны: без труда можно было понять, кто с кем приехал и кто делит одну спальню. Подростковая дружба завязывается легко. Благодаря суткам, проведенным под одной крышей, и мягкому, дипломатичному характеру Ван Сюаня, Гоудань ухитрился не переругаться с соседями по комнате. Ребята по крайней мере перезнакомились и теперь держались вместе.

Четырнадцать человек из их спальни распределили по разным параллелям, но в суматохе первого школьного дня каждый инстинктивно искал глазами знакомые лица. Сожители по

комнате, с которыми довелось пережить первую ночь на новом месте, казались куда ближе и надежнее, чем абсолютно незнакомые одноклассники.

Постоянных мест учитель пока не давал, позволив ребятам сесть как им вздумается. Гоудань и Ван Сюань, не сговариваясь, проскользнули за самые задние парты. Рядом с ними тут же примостились и их новые соседи по общежитию.

Ван Сюань задумчиво провел пальцем по деревянной столешнице. На подушечке остался серый налет пыли. Осознав, что они уселись за неубранные парты, он поморщился от глухого раздражения — чистоту он любил до крайности.

С приходом классного руководителя началась генеральная уборка. Класс тут же превратился в гудящий улей: девчонки и мальчишки дружно взялись за дело. Кто-то побежал с ведрами к колонке за водой, кто-то яростно зашуршал вениками, а самые бойкие взобрались прямо на парты, чтобы дотянуться до высоких оконных рам.

Совместный труд творит чудеса, когда нужно быстро сплотить разношерстную толпу. Стоило ребятам немного попотеть бок о бок и перемазаться в пыли, как неловкость испарилась сама собой. Общее дело мигом стерло границы между городскими и деревенскими.

Силами сорока с лишним человек класс заблестел чистотой в считанные минуты. Ребята успели прибрать и закрепленный за ними участок школьного двора. Опустевший за лето серый кампус с приходом шумных первоклассников словно стряхнул с себя оцепенение, наполнившись звонкими голосами и предвкушением новой жизни.

— А теперь проведем перекличку, — зычно объявил классный руководитель, разворачивая классный журнал. — Кого назову, громко отвечайте «здесь», чтобы я отметил присутствующих.

— Ли Кай!

—... Здесь! — спохватился Гоудань.

Услышав свое официальное имя, он на секунду растерялся — никак не ожидал, что список начнется именно с него. Ван Сюань чувствительно ткнул его локтем в бок, заставив выпрямиться и подать голос.

— Ван Сюань!

— Здесь, — спокойно отозвался тот.

— Цинь Даньдань, Чжан Бин, Чжан Сяомин... — монотонно продолжал учитель.

Список в журнале был составлен строго по результатам вступительных экзаменов — от лучших оценок к худшим. Разумеется, самим ученикам об этом не сообщали, да и вывешивать ведомости на всеобщее обозрение в школе было не принято. Правда всплывала позже, при назначении старост и активистов, когда на руководящие должности традиционно выдвигали отличников. Считалось, что прилежная учеба автоматически дает право повелевать сверстниками.

— Теперь распределим места. Маленькие садятся впереди, рослые — назад. Класс, встать! — скомандовал учитель.

Ребята дружно загребли стульями. Классному руководителю хватило одного профессионального взгляда поверх очков, чтобы мысленно выстроить всех по росту.

Началась великая пересадка. Учитель то и дело указывал пальцем: «Ты — сядь с ней, ты — перейди к нему». Класс снова пришел в движение. Никто из ребят не возмущался — к подобной процедуре все привыкли еще со времен начальной школы. Делить парты «по росту» казалось делом само собой разумеющимся.

Гоудань твердо вознамерился сидеть только с Ван Сюанем. По восточному календарю ему шел пятнадцатый год; среди одноклассников он не был самым старшим, зато по росту уверенно обгонял большинство сверстников. Мальчишки обычно развиваются позже девочек — кто-то резко вытягивается лишь к концу средней школы, а кто-то и вовсе в старших классах. Гоудань же выделялся статью еще за школьной партой в деревне, и судя по широким плечам, останавливаться на достигнутом не собирался.

Из-за выдающегося роста учитель определил парней на средний ряд, но у самого окна. Гоудань остался доволен. Больше всего на свете он ненавидел сидеть в самой гуще, зажатым со всех сторон чужими спинами. Ему требовался простор — либо у самой доски, либо на галёрке, либо с краю, чтобы взгляд мог свободно блуждать. Ван Сюань прекрасно знал эту его причуду. За годы их дружбы ничего не изменилось: Гоудань терпеть не мог никаких рамок и ограничений, пусть даже с возрастом и научился это скрывать.

Закончив с партами, классный руководитель перешел к назначению старост и активистов. В средней школе самоуправление было устроено куда сложнее, чем в начальных классах, где всеми делами заправляли лишь двое дежурных.

— Старостой класса назначается Ли Кай, — торжественно провозгласил учитель. — Помогать ему на должности заместителя будет Цинь Дандань. Ван Сюань берет на себя обязанности учебного сектора...

Следом прозвучали имена ответственных за дисциплину, санитарное состояние и культурно-массовую работу.

Гоудань переглянулся с Ван Сюанем. Былая вольница закончилась — теперь они не были единственными заправилами в классе, и единолично командовать ребятами больше не

получится.

— Названные ученики пока утверждают на эти должности временно. Ваша задача — помогать товарищам и оказывать содействие учителям в поддержании порядка... — Учитель пустился в долгие, усыпляющие рассуждения о долге, чести и дисциплине.

Пока педагог зачитывал устав школы и сыпал казенными лозунгами, взгляд Гоуданя окончательно потерял фокус. Лечь лицом на парту правила приличия не позволяли, поэтому он принялся от скуки разглядывать кабинет. Прямо над классной доской висел портрет Председателя в скромной деревянной рамке. По бокам от него красовались выведенные сочной красной краской иероглифы: «Учись прилежно, совершенствуйся с каждым днем».

Чуть ниже сиротливо жались плакаты поменьше: на одном были расписаны пять заповедей школьника, на другом — пять главных революционных призывов эпохи.

На задней стене кабинета красовалась еще одна доска, предназначенная, как шепнули знающие люди, для классной стенгазеты. Сейчас её черная поверхность лоснилась от чистоты, ожидая первых выпусков. Рядом с ней уныло желтели старые похвальные грамоты — молчаливое наследие ушедших в старшие классы предшественников.

Время от времени Гоудань переводил взгляд на широкие окна в добротных деревянных рамах. Стекла, только что отмытые до блеска, отражали ровный дневной свет. Всё здесь было чужим, непривычным и совсем не походило на их тесную деревенскую школу.

Наваленные на краю парты стопки новеньких учебников внушали легкий трепет. К привычным языку и математике добавились совершенно неведомые доселе дисциплины. Да и расписание изменилось до неузнаваемости: лафа начальной школы с её парой-тройкой уроков в день закончилась. Теперь им предстояло просиживать за партами с утра до самого вечера. Гоудань уныло вздохнул. И дело было вовсе не в усталости — сил у него хватало с избытком, — просто его деятельная натура органически не выносила этой унылой кабинетной рутины и зубрежки.

<http://bllate.org/book/19654/1996735>